

Отрывок из книги
Ханса-Вольффа Графа
«Правила игры
для Вашей игры жизни»

Перевод с немецкого *И. Родзиной, М. Назаровой*

Брак и семья

Едва ли хоть один другой механизм принуждения, изобретенный людьми для людей, принес людям больше страданий, чем институт брака.

Ни одному животному, ни одному растению не свойственна моногамия, исключение представляют собой вынужденные союзы: например, когда численность того или иного вида очень мала, и оставшиеся особи вынуждены заботиться о взаимной защите и сохранении своего вида. Человек доисторических времен, вероятно, был вдохновлен окружающими его животными и их якобы моногамным поведением во время течки/гона, если речь шла об удовлетворении инстинкта продолжения рода.

Согласно чисто биологическим законам более сильный самец побеждал более слабого, и более слабый был вынужден спариваться с менее привлекательной самкой. То, что удовлетворение полового инстинкта не осталось преимущественным правом только самого сильного «самца», и что человек защищал более слабых, следует считать культурным достижением человечества. Каждому было, так сказать, предоставлено право «обеспечить себя» самкой. Если раньше (а частично еще и сегодня) более сильный (и состоятельный) мужчина имел возможность обладать несколькими женщинами, то позже это стало восприниматься как «несправедливость», поскольку в ходе эволюции сложилось примерное количественное равновесие между мужскими и женскими особями биологического вида «человек».

У животных менее развитых видов численность самок существенно больше, чем численность самцов. Но если в той или иной деревне, том или ином сообществе существует приблизительно равное число женщин и мужчин, то отход от полигамии соответствует абсолютно биологической необходимости и культурному развитию. Государство и церковь, т.е. светская и духовная власть, осознали необходимость создания такого порядка распределения, а также возникающие при этом возможности. Право на обладание одной женщиной одновременно было связано с запретом на обладание и совокупление с другими.

Если защита брака государством вполне понятна, то церкви превратили эту «защиту» в жестокий инструмент власти: они вводили смертную казнь за расторжение брака и связывали с этим отлучение от церкви (опала, изгнание, сожжение на костре). Когда подобный образ действий стал восприниматься как радикальный (если уж быть последовательными, то следовало бы казнить большинство живших тогда мужчин), супружескую измену просто включили в список смертных грехов и десяти заповедей и – без лишних церемоний – карали ее (за отсутствием других возможностей) лишением права на существование после смерти.

Даже возжелание партнера противоположного пола считалось порочным, скверным, непристойным, дурным и аморальным, смертным (первородным) грехом, хотя оно является совершенно нормальным и даже в высшей степени естественным – какой мужчина и какая женщина стали бы возражать против этого?!

Без «насильственного насаждения» эта неестественная форма институционализированного брака уже давно бы не существовала. Ведь каждый, кого затронул этот запрет, бдительно подсматривает за соседом, чтобы застигнуть его врасплох при нарушении «порядка» (от чего пришлось пострадать самому). Последствия: люди женились/выходили замуж с как можно большей роскошью (не в последнюю очередь для того, чтобы доказать всем присутствующим исключительность этого события), клялись друг другу в «вечной» верности (единственное «ложное показание», не преследуемое законом), подчинялись «диктату окружающих», если от страстной встречи возникали биологические «результаты», а в прочих случаях страдали от постоянных угрызений совести – по отношению к себе, партнеру и окружающим – всякий раз, когда в ходе последующих лет и десятилетий предписанная церковью заповедь целомудрия снова нарушалась. Эта нечистая совесть, несовместимость предписанного образа мышления и естественных ощущений является, по-видимому, главной причиной того, почему брак – воспринимаемый как принудительный корсет – никоим образом не оправдывает ожиданий тех, кто в него вступает.

Если до брака человек еще испытывает потребность постоянно привязывать, привлекать к себе партнера своей мечты, делить с ним радость, ухаживать за ним, баловать его и бороться за него, то, оказавшись в «гавани» брака, эти потребности чаще всего заметно (для обоих) ослабевают. Небесная эйфория самозабвенной влюбленности внезапно (или постепенно) снова приносится в жертву обыденности и привычке. Сколько недоверия, страхов потери, страхов не справиться и тем самым безрадостного существования присутствует сегодня в большинстве браков, знает каждый, кого это затронуло, даже если эта проблематика становится табу и, в крайнем случае, находит выражение в моменты невыносимых страданий.

Как сложно тогда сделать решающий шаг (даже если он самый разумный, самый естественный), знает каждый, столкнувшийся с этим, – особенно тогда, когда от этого брака есть дети. Мы полагаем (и это тщательно подпитывается существующим «нравственным кодексом»), что к этому привела наша собственная несостоятельность. Да и экономические последствия («собственность», к которой, само собой, относятся и дети) тщательно сопоставляются и взвешиваются. Они препятствуют тогда тому, чтобы честно и чисто положить конец бессмысленному и болезненному для обеих сторон состоянию.

До тех пор пока супруги рассматривают друг друга как родовую «собственность» (о ежедневном «завоевании» которой можно уже не беспокоиться), и пока дети будут считаться «собственностью» брачного союза, ничего не изменится ни в этом неестественном институте брака, ни в жестокой власти, которую благодаря ему (и его монополистическому сохранению) получают церкви.

Да и аргумент, что партнера и детей следует рассматривать как доминантную величину, демонстрирующую смысл собственных усилий, благосостояние и связанный с этим более глубокий смысл собственной жизни и действий, совершенно не отражает сути вещей.

Тем самым мы снова оказались в начале книги: благосостояние и богатство, определенно, не являются глубинным смыслом человеческой жизни и развития рода *homo sapiens sapiens*. Лишь когда объединение мужчины и женщины в одно целое будет снова восприниматься как нечто естественно-прекрасное, как сокровище и возможность совместных интенсивных переживаний, а не как нечто раз и навсегда предписанное, партнеры снова будут заботиться друг о друге, осознавать желания и потребности другого, которые они будут готовы с радостью удовлетворять, и рассматривать свой союз как шанс для совместного (и тем самым более эффективного) применения способностей и навыков.

Кого удивит тот факт, что секретарь порой знает своего шефа лучше, чем его жена (а секретари – своих начальниц лучше, чем их мужья)? Кто удивится, узнав, что многие супружеские союзы существуют только как «общества взаимопомощи» – ради собственного удобства? Кого удивляет высокий процент разводов – именно в самых развитых и богатых странах? Как долго мы еще готовы жить и страдать от этой неестественной формы совместной жизни?

Все это ни в коем случае не является призывом к тому, чтобы как можно большее число читателей немедленно подавали на развод. Но это могло бы стать призывом к тому, чтобы взглянуть на собственный брак под иным углом, подумать над тем, в какой мере Вы сами страдаете от этого состояния, насколько от этого страдает Ваш партнер, что можно было бы предпринять, чтобы снова сделать совместную жизнь радостнее и содержательнее, чтобы заново открывать и создавать для себя, своего партнера и детей полную любви, интересную совместную жизнь.

Tat twam asi, asi twam tat

(Ты – это я, я – это ты)

Гаутама Будда

Партнерские отношения

И снова понятие, которое употребляется нами во многих аспектах и которое мы, к сожалению, часто не можем ни правильно понять, ни действительно проживать на практике. Мы говорим о партнерах и партнерских отношениях в частной и профессиональной сфере. Но проживаем ли мы это партнерство на практике?

Обратившись за помощью к семантике, мы натолкнемся на латинское слово «pars», что означает «часть, доля». Таким образом, партнер – это «участник»/«дольщик».

Поэтому признаком партнерских отношений можно было бы считать создание с партнером общности и обращение с ним как с равным, имеющим те же интересы и преследующим ту же цель, т.е. вплетение его в свои мысли, поскольку речь идет о достижении общей цели. Следовательно, если я называю другого человека своим «партнером»¹, это означает, что я делаю его «участником моей жизни», позволяю ему участвовать в ведении моей жизни, в моих мыслях, целях и задачах в той мере, в какой это его непосредственно касается или интересуется.

Это, конечно, не означает, что другого партнера должно интересовать все – каждая мысль и каждый шаг. Но, по крайней мере, я должен быть информирован о том, насколько его это интересуется.

В соответствии с этим тому, кого я называю своим партнером/спутником жизни, мне, по крайней мере, следует дать шанс интересоваться тем, что я, его партнер, планирую или намереваюсь делать, думаю и чувствую. С другой стороны, того же я могу ожидать от своего партнера – предпосылкой для этого является искренний интерес с моей стороны к нему, его мыслям и образу жизни.

Возможно, так много браков разрушается потому, что оба партнера полагаются на своего рода «брачный автоматизм», подсознательно рассчитывая, что партнерство будет функционировать автоматически, и им не нужно будет дальше так активно заботиться о союзе, как это было до брака, особенно во время состояния «свежей» влюбленности.

Подобный союз похож тогда на фирму, которая больше не имеет оборота и не развивает свою деятельность, ограничиваясь лишь ежегодным подведением баланса (это называется тогда годовщиной свадьбы), а в остальном существует только на бумаге (в «реестре»).

Принятое однажды решение говорить в группе наших фирм не о сотрудниках, а о партнерах, было связано не с тем, чтобы – еще больше – отличаться от других

---

¹ В русском языке это больше соответствует выражению «спутник жизни», и тогда – идущий/делящий со мной один **путь** (прим. перев.).

фирм. Основой для этого решения было желание уйти от обыденности иерархических отношений подчинения и общаться с работающими в одной фирме людьми в иной форме. Конечно, описанное выше обязательство, вытекающее из всего этого, касается обеих сторон. Ни один партнер не может рассчитывать на то, что с ним будут обращаться как с партнером, то есть на то, что другой человек будет участвовать в партнерстве активно, если он сам только удобно и с радостью использует его, не будучи сам активным и не обогащая его.

Партнерство – это обязательство для всех его участников, в противном случае можно предвидеть, что – рано или поздно – у более активного партнера появится ощущение, что его используют.

Конечно, задачи внутри партнерского союза связаны с тем, какими способностями обладает тот или иной партнер и какие задачи он выполняет в сфере своей ответственности. Вполне может быть и так, что более опытный партнер в качественном и количественном отношении вынужден выполнять больше, чем другой. Но это не может и не должно являться критерием для оценки партнерского союза. Превосходство в знаниях, способностях и опыте обуславливает и большую активность партнера. В интересах партнерского союза в целом каждый партнер имеет, однако, обязательство работать над развитием своих способностей, чтобы как можно лучше развивать и успешно формировать сам партнерский союз. Своего рода «паразитом» партнерства становится тот, кто делает только самое необходимое – и то, только по требованию, – и считает, что выполнил свою часть задач, отказываясь при этом работать над собой и развитием своих способностей.

И тогда довольно быстро становится понятно, для кого партнерский союз действительно что-то значит, кто вкладывает силы в то, чтобы этот партнерский союз сохранялся, рос и развивался, – в противоположность тому, кто только использует этот союз, не живя им и не укрепляя его.

Если упущения внутри партнерского союза не обсуждаются, то чаще всего это происходит потому, что разговор об этом неприятен, пробуждает страхи потери и неудобен. Но тем самым в этот – собственно, желанный для обоих – союз прокрадывается то, что является «раком» для любого партнерства, – нечестность. Тогда люди начинают ворчать про себя, упрекать партнера в ненадежности, эгоизме, небрежности и именно в нечестности. Они охотно изливают душу перед третьими лицами, всеми силами добиваются сочувствия и понимания или, например, даже жалуются начальнику. На самом деле эти люди просто слишком трусливы, чтобы открыто поговорить обо всем со своим нерадивым партнером – по возможности без преувеличенных эмоций и этически чисто.

Если эти негативные чувства уже довольно долго «полощутся» в «стиральной машине» собственных эмоций, то для честного диалога, чистого объяснения и бесконфликтного устранения «скрежета» внутри партнерского союза чаще всего бывает уже слишком поздно. Своевременные – мужественно и честно проведенные – разговоры могли бы предотвратить завязывание такого «гордиева узла» уже на начальной стадии.

Эта неспособность к партнерским отношениям часто, к сожалению, является продуктом нашего воспитания. Итог: такие «партнерские союзы» в большинстве случаев заканчиваются, прежде чем вообще по-настоящему начаться. От них остаются разочарования, оскорбленные чувства и «опыт» – ни что иное как всеобщее недоверие, которое мы в качестве «предыдущей нагрузки» вносим в следующий партнерский союз (если у нас вообще еще найдется мужество решиться на новый).

Примечание: все это относится как к личным, так и профессиональным партнерским союзам.

Тот, кто требует или ожидает от партнерства, что оно будет работать «само по себе», приносить всем участникам только радость и преимущества, и сразу же говорит о тесном партнерстве или дружбе, поступает опасно наивно.

По-настоящему драгоценные партнерские союзы нуждаются в ежедневной заботе. Они требуют от всех участников высочайшей степени честности и интереса, силы и теплоты, сбалансированного соотношения отдачи и принятия, понимания, доверия и сочувствия, взаимного одобрения и признания, уважения и чувства ответственности, осмотрительности и готовности к конфликтам, готовности учить и учиться, корректного обращения друг с другом, взаимной верности, бодрости чувств и готовности к общению, способности и готовности критиковать.

Вы полагаете, слишком много требований?

Но ведь Вы сами требуете и ожидаете того же!

Таким образом, настоящее партнерство – в общем и целом – означает высокую степень любви – будь то личная жизнь или профессиональные партнерские отношения.

Насколько же Вы зрелы и готовы к настоящему партнерству?

Ханс-Вольфф Граф

Перевод с немецкого М. Назаровой

